

Для цитирования: Уланович, О.И. Постмодернизм: формы социальной рефлексии и художественного миромоделирования / О.И. Уланович, Ю.И. Карпушенко. – Текст : непосредственный // Искусствознание: теория, история, практика. – 2022. – № 1 (33). – С. 71–78. – Библиогр.: с. 76 (16 назв.).

УДК 130.2

Уланович Оксана Ивановна,

кандидат психологических наук, доцент;

УО «Белорусский государственный университет»,

доцент кафедры теории и практики перевода

E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Республика Беларусь, г. Минск

Карпушенко Юлия Игоревна,

УО «Белорусский государственный университет»,

факультет социокультурных коммуникаций,

обучающийся по специальности 1-21 06 01-02 Современные иностранные языки

E-mail: k.ju_lia@mail.ru

Республика Беларусь, г. Минск

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. На основе анализа проявлений постмодернистской рефлексии в современном обществе и культуре авторы статьи формулируют ключевые векторы и формы концептуального и эстетического моделирования мира в искусстве, философии и социальной реальности в эпоху постмодерна. Рассматриваемые в тесной взаимосвязи, данные формы объясняют своеобразие «кода» постмодернистского мировосприятия.

Ключевые слова: постмодернизм; постмодернистская рефлексия; формы художественного выражения; мировосприятие; миромоделирование.

Oksana Ulanovich,

Candidate of Psychology, Associate Professor;

Belarusian State University,

Associate Professor of the Department of Translation Theory and Practice

E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Republic of Belarus, Minsk

Julia Karpushenko,

Belarusian State University,

Student of the Faculty of Social and Cultural Communications

E-mail: k.ju_lia@mail.ru

Republic of Belarus, Minsk

POSTMODERNISM: FORMS OF SOCIAL REFLECTION AND ARTISTIC MODELING OF THE WORLD

Annotation. Based on the analysis of the manifestations of postmodernism reflection in modern society and culture, the authors of the article formulate the key tendencies and forms of conceptual and aesthetic modeling of the world in art, philosophy and social reality in the postmodern era. Considered in close entwinement, these forms explain the uniqueness of the “code” of the postmodern worldview.

Keywords: postmodernism; postmodern reflection; forms of artistic expression; worldview; modeling of the world.

Эпоха постмодерна и ее предшественник – модерн – являются порождениями интеллектуальной мысли Запада и выступают

двумя ведущими геополитическими проектами Новой и Новейшей истории соответственно. Сама приставка *пост-* свидетель-

ствует, что корни постмодерна следует искать в модерне, однако семантика термина никак не раскрывает в действительности конфронтативный характер взаимоотношений модерна и постмодерна. С конца 1960-х гг. постмодерн агрессивно восстает против ценностей и установок модерна, которому были присущи вера в могущество человеческого разума, прогресс и развитие объективной науки, стремление к системной организации жизни. Отрицая традиционные ценности модерна, постмодерн кардинально меняет «правила игры» в разных сферах социального пространства: в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре, науке и даже в пространстве медийной коммуникации, трансформирует картину мира, представления о жизни и человеке, параметры и нормы социального взаимодействия, порождает, по сути, иную модель современной цивилизации. Сегодня можно даже уверенно заявлять, что в эпоху постмодерна меняется и сам конструкт всего общества, причем в сторону не просто либерализации норм традиционного уклада, а вплоть до тотального их отрицания, что чревато хаосом сплошь и рядом демонстративного попираания принципов деонтики (базирующихся на понятиях долженствования и права) и деонтологии (этики, морали и нравственности).

Постмодерн – эпоха кризисная, закономерно порождающая и кризис системы взглядов на мир и общество – постмодернизм. Если термином «постмодерн» обозначается конфигурация мироустройства в комплексе экономических, политических и культурных аспектов социума, то термин «постмодернизм» относится к типу культурно-философской рефлексии, мировоззрению, что воплощается в создании новых концепций, стилей, практик в искусстве, философии, коммуникации. Постмодернизм – это манифестация ключевых черт эпохи постмодерна в философской мысли и искусстве. Ф. Джеймисон связывает возникновение постмодернизма с потребностями отражения в культуре новых форм общественной жизни и экономического порядка – общества потребления, театрализованной политики, масс-медиа и информатики [15, с. 27] – т. е. общества эпохи постмодерна.

Через призму рефлексии индивидуального сознания над новосозданной конфигурацией общественного порядка опре-

деляет постмодернизм Л.И. Горбунова как «особый взгляд на мир, особое мироощущение, характерное для человека новой эпохи – эпохи постмодерна. Прежде всего, это отражение кризиса – кризиса модерна, кризиса западного рационализма и идеала всеобщего прогресса, кризиса рационально обоснованных ценностей западной буржуазной культуры» [2, с. 269].

Большинство теоретиков постмодерна солидарны во мнении, что возникновение постмодернистской рефлексии и весьма неоднозначных форм эстетического реконструирования бытия в искусстве и философии предопределено создавшейся ситуацией перенасыщенности культуры, своего рода ее «усталостью», когда нивелируются или как минимум уступают свои позиции казавшиеся привычными ценности и ориентиры, когда в мире с все возрастающей информационной избыточностью возникает запрос на обновление ставших тривиальными способов миромоделирования. При этом, однако, отказ от старой модели концептуального освоения мира (модернизма) вовсе не воплотился в генерировании модели новой. Вследствие чего в образовавшемся вакууме немедленно и хаотично произрастают новые весьма разнообразные формы, стили, практики конструирования бытия. Тем самым системная строгость, стройность и полнота сменились энтропией многоголосья.

Суть постмодернистской асистемности заключается в отказе от притязаний на полноту, глубину, целостность и стройность потенциального охвата всех проявлений действительности. Отсутствие каких бы то ни было замкнутых паттернов и жестких алгоритмов относится как к искусству, так и к экономике, науке, политике, образованию, коммуникации и даже морали. В этой связи французский философ и теоретик постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар замечает, что следствием асистемности в эпоху постмодерна является «разрыв социальной связи и переход социальных групп в состояние некой массы, состоящей из индивидуальных атомов, вовлеченных в абсурдное броуновское движение» [8, с. 36].

Постмодернизм как мировоззренческая проекция внутренне весьма неоднороден и интегрирует ряд проекций, модусов и практик. Однако возможно все же эксплици-

ровать некоторые общие принципы данного философствования и сконструировать более или менее целостное видение форм и инструментов постмодернистской рефлексии и художественного выражения – т. е. через ретроспективный взгляд описать своего рода «язык» постмодерна. Отличительными чертами постмодернизма, как мы можем заключить, являются плюрализм как проявление эклектики, «деканонизация» (традиционных ценностей), эстетизация и эпатажность, смешение высокой и низкой культур, ироничность и деконструкция, стилизация и полистилистика и другие его более или менее отчетливо выделяемые особенности. При этом нельзя не согласиться с мнением Р. Тарнаса, что «в самых общих чертах постмодернистское мышление можно рассматривать как незавершенный и непостоянный набор положений, который складывается постепенно под влиянием множества разнообразнейших интеллектуальных и культурных толкований» [10, с. 189]. Предлагаем все же рассмотреть некоторые наиболее приметные черты и практики постмодернистской рефлексии и описать «код» постмодернистского концептуального и эстетического конструирования бытия в искусстве, философии и в реальности.

Оппозиция установок модернизма и постмодернизма в развитии культуры, искусства и философской мысли такова: модернизм акцентирует и воплощает идею созидания, настаивает на разрыве с традицией и стремится к конструированию нового невиданного мира; постмодернизм, напротив, исходит из признания того, что все принципиально и потенциально возможное уже создано, в связи с чем генерировать более уже нечего, и обновление возможно только в переистолковании, ретрансляции, реструктурировании ранее уже порожденного человеческого гением. Тем самым, созданное ранее есть основа создаваемого сегодня, что и заключается в **деконструкции** как механизме «культуротворения» в эпоху постмодерна.

Постмодернизм в его эстетической активности полностью переориентировался с акта созидания на практику дублирования, аналогизации, цитирования и, в конце концов, коллажа. Практику деконструкции Е.Н. Яркова именует наиважнейшим элементом культуры постмодернизма – «в ее рамках осуществляется не только демонтаж

ценностно-смыслового каркаса уходящей модернистской культуры, но и включаются механизмы сборки – т. е. предпринимаются попытки создания нового такого рода каркаса за счет перекомпоновки элементов старого» [14, с. 1503]. Таким образом, в основе постмодернизма заложено переключение культуротворческой активности с акта реального творения на коллаж, конструирование, компиляцию.

Произведения художников эпохи постмодернизма рассматриваются не как первичные в своей сути творения, а как аллюзивные отсылки к уже ранее созданному и имеющемуся в фонде культурного наследия общества. Так, многие современные литературно-художественные произведения строятся как мозаика цитат и превращаются, по сути, в книги-цитаты. Таковым является роман Умберто Эко «Остров Накануне». В тексте смонтированы фрагменты научных и художественных произведений преимущественно XVII века; широко используются сюжеты живописных полотен – от Веласкеса и Вермеера до Жоржа де ла Тура, Пуссена и Гогена; многие пассажи романа воспроизводят известные картины [11]. Аналогичным образом в сюжете романа Б. Акунина «Ф.М.» переосмыслены и органично интегрированы в текст произведения фрагменты романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Важно, что в деконструктивной стратегии постмодернизма имеет место не просто уход от созидания, от творчества, но дистанцирование как от реального созидания, так и от тотального разрушения. «Стилевые реминисценции и заимствования в постмодернистском контексте теряют свое первоначальное значение, превращаясь в имиджи, фрагменты, объекты для свободных манипуляций», – так данную тенденцию объясняет Е.И. Трофимова [12, с. 171]. В интерпретации Е.Н. Ярковой, «семантически постмодерн являет собой образец культуры разрушительно-созидательного хаоса, составляющего сущность этой эпохи» [14, с. 1498].

В практике безграничной деконструкции постмодернисты опираются на ключевой тезис постмодернизма: «Мир как текст», в соответствии с которым реальность – это бесконечный текст, повествование, дискурс, и вне текста ничто не существует. Любая культура является не чем иным, как суммой

текстов или «интертекстом», и ключевым инструментом постмодернистской рефлексии и эстетического миромоделирования является осознанное или неосознанное «подражание» некоторому тексту или же взаимовключенность текстов.

Термин «интертекстуальность» был предложен Ю. Кристевой в конце 60-х гг. XX в. и определяется автором как «та текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста», а именно, как особое свойство текстов, заключающееся в наличии между ними таких связей, благодаря которым тексты (или их части) могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [16, с. 440].

В случае мотивированно закладываемого «диалога текстов» интертекстуальность является «частью сознательной стратегии»: «отсылать к произведениям, которые, прочно войдя в общее наследие, способны пробудить память читателя и заставить его воспринять значимость языка и литературы» (Н. Пьеге-Гро) [9, с. 141]. В случае немотивированной интертекстуальности «диалог текстов» является «бессознательным действием творческой памяти» (В.М. Жирмунский) [5, с. 339].

Итак, интертекстуальность является явным или неявным, мотивированным или немотивированным тематизирующим взаимодействием текстов в пространстве культуры постмодерна и проявляется в прямом или скрытом цитировании, аллюзиях, пародировании, подражании, в переработке и переосмыслении прежних тем, форм, моделей, которые в ранее предложенных интерпретациях утратили свою остроту и актуальность.

Таким образом, постмодернистское созидание через деконструкцию использует готовые элементы культуры, ранее созданные тексты (зачастую предшествующих эпох), которые цитируются, искусно рекомбинируются, переосмысливаются, «проигрывая» через призму современности прошлый опыт. И инструментом своего рода перезаписывания ранее созданного зачастую является *ироничная интерпретация*. Тем самым, мы можем фиксировать **ироничность** как еще один инструмент постмодернистской рефлексии и восприятия.

Характерный эпохе постмодерна тип коллективного мировосприятия и миромо-

делирования описывают термином «*ироничный*». Ирония – это не просто и не только изящный стилистический прием или форма комического, нацеленная на смеховую реакцию аудитории. Это совершенно уникальное средство идейно-эмоциональной оценки и эстетического отношения между субъектом (ироником) и объектом действительности. Ирония – двусмысленная насмешка над некоторой реальностью как акт испытания этой реальности на прочность в силу провоцирования сомнений в ее истинности и правдивости. Двойственность ее природы (как понимание за сказанным противного) проявляется в том, что ирония – это скрываемое за похвалой порицание, за притворным воодушевлением – разочарование, замаскированное под усмешку обвинение, под напускным безразличием – волнение, завуалированная под маской значимости ничтожность, под легкой небрежностью – серьезность. Это выводит феномен иронии за пределы категорий комического в сферу мировоззренческих установок: ирония – «форма мировоззрения» (О.А. Коновалова) [7, с. 3].

По мнению Ю.А. Кирюхина, вся современная культура – это «единое пространство всеобъемлющей иронии». Сегодня экспансия иронии «тотальна и повсеместна» [6]: она поселилась в искусстве, журналистике, рекламе, межличностной коммуникации, а также в науке, политике, экономике и даже в институциональном общении. Как утверждает О.А. Коновалова, в эпоху постмодерна ирония «стала не только атрибутом и сущностной характеристикой постмодернистской культуры, но и является общей моделью, в соответствии с которой происходит формирование и конструирование (моделирование) самых разных культурных феноменов и сфер постмодернистской действительности и самой этой действительности в целом» [7, с. 4]. Тем самым ирония предстает в качестве модели построения постмодернистской культуры.

Выше мы отмечали, что одной из форм постмодернистской рефлексии является *деконструкция*, имитация, ремейк – т. е. симуляция; и в этом процессе *ирония* – это симулятивная модель и инструмент постмодернистского миромоделирования, это та схема, «в соответствии с которой строится весь симулятивный процесс» [7, с. 14].

В своем диссертационном исследовании О.А. Коновалова выявляет следующие ключевые функции иронии в постмодернистской культуре, в качестве наиболее значимых из которых, важно отметить следующие: а) конструирующая (моделирующая) функция: ирония – модель и схема симуляции; б) коммуникативная: ирония определенным образом моделирует современное коммуникативное пространство; в) деструктивная: посредством иронии происходит разрушение прежних (часто заезженных) культурных форм; г) индикативная: ирония – индикатор кризисного состояния культуры, ее усталости; д) терапевтическая (защитная): ирония оказывает восстановительное воздействие на культуру, устраняет «усталость культуры» в эпоху кризиса [7, с. 16]. Можно утверждать об одновременно разрушительном и созидательном потенциале иронии, о ее деструктивно-конструктивной роли, что проявляется в развитии всех культурных феноменов в эпоху постмодерна: литературы, кинематографа, музыки и танца, сценического искусства, архитектуры и живописи, самых разных форм коммуникации.

Постмодернистское паразитирование на ранее созданном может приобретать форму *пастиша*. Пастиш – авторская мимикрия (имитация, часто ироничная), когда интегрируются открыто и откровенно заимствуемые стили, темы, идеи, мотивы. В отличие от пародии, пастиш не предполагает осмеяния или критики оригинального образца. Пастиш – это лишенное комизации пародирование. Обладая свойством подражания определенному стилю и манере, пастиш отказывается от издёвки и зубоскальства. В этой связи, Ф. Джеймисон называет пастиш «оболочкой пародии; опустошенной пародией; пародией, утратившей чувство юмора» [4, с. 277]. Распространившись от архитектуры до кинематографа, от живописи до музыки, пастиш стал фирменным знаком постмодерна. Наиболее ярко он проявился в литературе, где сливаются стили и эпохи, прошлое и настоящее, элитарное и массовое. Представляя собой метод соотнесения текстов и способ создания нового текста как деформирующий синтез фрагментов произведений, жанров и стилей, пастиш сопряжен с понятиями *стилизации* и *полистилистики*.

Стилизация – мотивированное уподобление, имитация характерных черт стиля, жанра, мотива, художественной традиции в новом создаваемом произведении искусства. По определению Е.В. Дашковой стилизация – «намеренное использование формальных признаков и образной системы того или иного стиля, уже известного в истории мировой культуры, в новом, в отличающемся от традиционно используемого художественном или культурном контексте» [3]. Рассматривая первичный продукт как законченную художественную форму, постмодернизм провозглашает суть творческой деятельности художников эпохи постмодерна в имитации данного образца посредством стилизации. При этом примат формы акцентирует не то, *что* воспроизводится, а то, *как* воспроизводится, что закрепляет феномен *текстуальной традиции*, а именно, некоторые текстовые регулярности, которые транслируются в ряде творений того или иного течения или жанра.

Тенденция стилизации в постмодернизме сопряжена с идеей «смерти автора», которая была провозглашена Р. Бартом в его одноименной статье [1]. Суть идеи в том, что у произведения есть не автор, а «скриптор», который «несет в себе не страсти, настроения и чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки». При этом «жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому» [1, с. 386].

Суть стилизации как тенденции в литературе постмодерна парадоксальным образом демонстрирует анекдотический случай из академической жизни: американский студент-филолог, познакомившись с «Гамлетом», был разочарован, открыв для себя лишь банальное собрание крылатых выражений и ничего более. Стилизация в эпоху постмодерна нивелирует уникальность первичного образца и тем самым грозит наградить великое лейблом «тривиальное».

Полистилистика – следующая важная типологическая черта постмодернистского существования культуры и общества, которую Е. Чигарёва определяет как композиционную технику, «в основе которой лежит соединение в одном произведении двух и более стиливых моделей» [13, с. 21]. Полистилистика весьма точно выражает постмодернист-

ское эклектичное видение и слышание и является собою кардинальные композиционные манипуляции в развитии форм художественного выражения в мировой культуре.

Так, первый роман Умберто Эко «Имя розы» – причудливая и филигранно стилизованная смесь исторического романа, детектива, игры литературными и культурными ассоциациями, философской притчи и мистификации. А архитектурный стиль Фриденсрайха Хундертвассера – австрийского архитектора и живописца интегрирует элементы бионики, модерна, поп-арта, образуя уникальное сочетание. Цвета, криволинейные поверхности, спиралевидные формы, асимметрия, мозаика – все это есть демонстрация свободы, импровизация и своего рода произвол стиля.

Полистилистика задается, например, и через приемы *научного* и *исторического документализма* в литературе, при которых реальные исторические события, научные факты и даже исторические документы вписываются в авторский литературно-художественный нарратив. Так, активно эксплуатируемыми в современном литературном творчестве являются образ ученого Николы Тесла и его научные открытия (кинофильмы: «Ученик Чародея», «Расследования Мердока», «Кофе и сигареты», «Убежище», «Склад 13», «Филадельфийский эксперимент»; романы: А.Ю. Дубнов «Петля реки времени», К. Прист «Престиж», повесть С.В. Лукьяненко «Кредо» и др.).

Современные проявления деконструкции, интертекстуальности, иронизма, стилизации и полистилистики многочисленны и фиксируются в различных сферах искусства: литературе, живописи, архитектуре, театре и т. д., равно как и вне области эстетического – в различных сферах социумного пространства.

Завершая рассмотрение тенденций постмодернистской рефлексии и форм реконструкции мира в культуре и коммуникации, важным видится акцентировать, что всепроникающий иронизм как затрагивает классические традиции, так и выступает методом новаторского поиска (как, например, арт-практики – новый «язык» в искусстве); строится на гибридизации стилей, кодов, текстов, синкретичном слиянии элементов, воплощается в пародийно-иронической игре всеми смыслами культуры, размывая ранее возведенный водораздел между элитарной и массовой культурой. Тем самым, мы можем заявлять о тесном взаимопроникновении всех выделенных нами выше векторов мировосприятия и эстетического созидания в эпоху постмодерна. Рассмотрение их исключительно в тесном переплетении позволяет нам более или менее отчетливо уяснить своеобразие «кода» постмодернистского миромоделирования.

При этом важно отметить, что постмодернизм не есть огульное отрицание и отвержение всего предшествующего; постмодернизм ставит целью переосмысление и переоценку. Это парадигма нового мировосприятия, менталитет новой культурной эпохи, в котором виртуозно сочетаются элементы настоящего и прошлого, отражается динамизм жизни и сложность конфигураций общества, заложены гибкость и адаптивность к эволюционирующему контексту жизни. Это синтез нового и старого, возвышенного и обыденного, элитарного и массового, нормы и анти-нормы, разрушения и созидания. Постмодернизм не претендует на однозначную оригинальность, он опирается на такие способы действия, при которых заимствованные символы и элементы, попадая в новый контекст, частично утрачивают свое первоначальное значение, но обретают новый смысл.

Литература:

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт. – Текст : непосредственный // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва : Наука, 1994. – С. 384–391.
2. Горбунова, Л.И. Постмодерн как тенденция развития культуры XX века / Л.И. Горбунова. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. – 2011. – № 2. – С. 265–271.
3. Дашкова, Е.В. Стилизация как феномен современной культуры / Е.В. Дашкова. – Текст : электронный // Руснаука : [сайт]. – URL: <https://clck.ru/aoPa6> (дата обращения: 22.01.2022).
4. Джеймисон, Ф. Марксизм и интерпретация культуры / Ф. Джеймисон. – Москва ; Екатеринбург : Кабинетный учёный. – 2014. – 289 с. – Текст : непосредственный.

5. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977. – 406 с. – Текст : непосредственный.
6. Кирюхин, Ю.А. Ирония как актуальная форма комического : специальность 09.00.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ю.А. Кирюхин. – Москва, 2011. – URL: <https://clck.ru/aoPbx> (дата обращения: 22.01.2022). – Текст : электронный.
7. Коновалова, О.А. Ирония как атрибут культуры эпохи постмодерна: Философский анализ : специальность 09.00.11 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / О.А. Коновалова. – Кемерово, 2005. – 20 с. – Текст : непосредственный.
8. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н.А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с. – Текст : непосредственный.
9. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр ; общ. ред. Г.К. Косикова. – Москва : ЛКИ, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.
10. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. – Москва : КРОН-ПРЕСС. – 1995. – 335 с. – Текст : непосредственный.
11. Толмачев В.М. Зарубежная литература XX в. : учебное пособие для студентов вузов / В.М. Толмачев [и др.] ; под ред. В.М. Толмачева. – Москва : Академия, 2003. – 640 с. – URL: <https://clck.ru/aoPfc> (дата обращения: 22.01.2022). – Текст : электронный.
12. Трофимова, Е.И. Стилиевые реминисценции в русском постмодернизме 1990-х годов / Е.И. Трофимова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 169–176.
13. Чигарёва, Е.И. Художественный мир Альфреда Шнитке / Е.И. Чигарёва. – Санкт-Петербург : Композитор, 2012. – 368 с. – Текст : непосредственный.
14. Яркова, Е.Н. Постмодерн как культура междисциплинарной эпохи / Е.Н. Яркова. – Текст : непосредственный // Философия и культура. – 2014. – № 10 (82) – С. 1495–1505.
15. Jameson, F. Postmodernism and Consumer Society / F. Jameson. – London : Verso, 1998. – 113 p. – Текст : непосредственный.
16. Kristeva, J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Kristeva. – Текст : непосредственный. – Paris, 1967. – Т. 23. – № 239. – Р. 438–465.

References:

1. Bart, R. Smert' avtora / R. Bart. – Tekst : neposredstvennyy // Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. – Moskva : Nauka, 1994. – S. 384–391.
2. Gorbunova, L.I. Postmodern kak tendentsiya razvitiya kul'tury XX veka / L.I. Gorbunova. – Tekst : neposredstvennyy // Vestnik MGTU. – 2011. – № 2. – S. 265–271.
3. Dashkova, E.V. Stilizatsiya kak fenomen sovremennoy kul'tury / E.V. Dashkova. – Tekst : elektronnyy // Rusnauka : [sayt]. – URL: <https://clck.ru/aoPa6> (data obrashcheniya: 22.01.2022).
4. Dzheymison, F. Marksizm i interpretatsiya kul'tury / F. Dzheymison. – Moskva ; Ekaterinburg : Kabinetnyy uchenyy. – 2014. – 289 s. – Tekst : neposredstvennyy.
5. Zhirmunskiy, V.M. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika / V.M. Zhirmunskiy. – Leningrad : Nauka, 1977. – 406 s. – Tekst : neposredstvennyy.
6. Kiryukhin, Yu.A. Ironiya kak aktual'naya forma komicheskogo : spetsial'nost' 09.00.04 : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk / Yu.A. Kiryukhin. – Moskva, 2011. – URL: <https://clck.ru/aoPbx> (data obrashcheniya: 22.01.2022). – Tekst : elektronnyy.
7. Konovalova, O.A. Ironiya kak atribut kul'tury epokhi postmoderna: Filosofskiy analiz : spetsial'nost' 09.00.11 : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk / O.A. Konovalova. – Kemerovo, 2005. – 20 s. – Tekst : neposredstvennyy.
8. Liotar, Zh.-F. Sostoyanie postmoderna / Zh.-F. Liotar ; per. s fr. N.A. Shmatko. – Moskva : Institut eksperimental'noy sotsiologii ; Sankt-Peterburg : Aleteyya, 1998. – 160 s. – Tekst : neposredstvennyy.
9. P'ege-Gro, N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti / N. P'ege-Gro ; per. s fr ; obshch. red. G.K. Kosikova. – Moskva : LKI, 2008. – 240 s. – Tekst : neposredstvennyy.

10. Tarnas, R. Istoriya zapadnogo myshleniya / R. Tarnas. – Moskva : KRON-PRESS. – 1995. – 335 s. – Tekst : neposredstvennyy.
11. Tolmachev V.M. Zarubezhnaya literatura XX v. : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / V.M. Tolmachev [i dr.] ; pod red. V.M. Tolmacheva. – Moskva : Akademiya, 2003. – 640 s. – URL: <https://clck.ru/aoPfc> (data obrashcheniya: 22.01.2022). – Tekst : elektronnyy.
12. Trofimova, E.I. Stilevye reministsentsii v russkom postmodernizme 1990-kh godov / E.I. Trofimova. – Tekst : neposredstvennyy // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1999. – № 4. – S. 169–176.
13. Chigareva, E.I. Khudozhestvennyy mir Al'freda Shnitke / E.I. Chigareva. – Sankt-Peterburg : Kompozitor, 2012. – 368 s. – Tekst : neposredstvennyy.
14. Yarkova, E.N. Postmodern kak kul'tura mezhtsivilizatsionnoy epokhi / E.N. Yarkova. – Tekst : neposredstvennyy // Filosofiya i kul'tura. – 2014. – № 10 (82) – С. 1495–1505.
15. Jameson, F. Postmodernism and Consumer Society / F. Jameson. – London : Verso, 1998. – 113 p. – Tekst : neposredstvennyy.
16. Kristeva, J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Kristeva. – Tekst : neposredstvennyy. – Paris, 1967. – T. 23. – № 239. – P. 438–465.